

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Алексей Митрофанов

МОСКВА

Название книги, конечно, условно, как и само слово «провинция». Когда говорят о ней, чаще всего имеют в виду не деревни – города. Города крупные, но не столичные. Большей частью – губернские, однако не без исключений. Иной уездный городок с легкостью давал фору собственной губернской столице. А, к примеру, Иваново-Вознесенск (ныне Иваново) и вовсе числился заштатным городом, входящим в Шуйский уезд. Тем не менее гремел на всю Россию – как-никак текстильная столица, – в то время как о существовании Шуи вообще мало кто знал. Или Царское Село (ныне Пушкин), формально числившееся уездным городом Санкт-Петербургской губернии, а на деле – царская резиденция, покруче губернских Владимира или Саратова.

Поразмыслив, мы решили отказаться от формального подхода (например, брать исключительно губернские города, или города с определенной численностью населения, или еще какие-нибудь) и, невзирая на статусы и статистические изыскания, воссоздать дух русской провинции, ее вкус, ароматы и звуки. Отважившись на этот шаг, мы пошли дальше и отказались от формальных рамок XIX века. Иначе нам пришлось бы согласиться с тем, что Россия 1801 и 1899 годов имела схожий вкус и звуки тоже схожие. А это, разумеется, не так. В итоге мы ограничились периодом между крестьянской реформой 1861 года и началом Первой

мировой войны. То есть, с одной стороны, оставили за рамками помещичье самодурство с крепостными театрами и роговыми оркестрами, а с другой – эшелоны с ранеными, членов царской фамилии, щиплющих корпию, вездесущий запах карболки и йода. Но и здесь рамки не строгие. Какие-то черты из жизни русской провинции никак не изменились из-за упомянутой реформы, а некоторые предвестники неотвратимой трагедии возникли еще до 1914 года – войны, народные волнения, терроризм народовольцев.

Черты мы решили забрать, а вот от предвестников отказаться. Поскольку наша главная задача, как уже говорилось, – провинциальные ароматы и звуки. А они в русской провинции были особенные, настраивали на неспешный, безмятежный, сокровенный лад и не располагали к политической борьбе.

Однако эта книга – не сусальная сказка, идеализирующая быт Воронежа и Костромы в духе современных воспевателей «России, которую мы потеряли». В провинции разыгрывались такие страсти и страстишки, что, как говорится, хоть святых выноси. Острые впечатления вам гарантированы. Но и щемящий дух безвозвратно ушедшей русской провинциальной жизни гарантирован тоже.

Еще одно важное уточнение – речь в книге пойдет именно о русской провинции. Мы оставляем за скобками окраины империи, в которых городская жизнь существенно отличалась от среднероссийской. В одних случаях (Кавказ, Туркестан, Прибалтика) эти отличия заключались в иной истории, ином населении, иной религии, в других (Сибирь) – в своеобразии городов-острогов, где большую часть населения составляли военные либо ссыльные. Даже на Украине и в Белоруссии, во многом сходных с Россией, города имели свои особенности, рассмотрение которых уведет нас слишком далеко от заявленной темы.

Надо сказать, что российские губернии по числу городов уступали более густонаселенным польским или украинским. В 1863 году на территории 50 губерний, относившихся к Европейской России, находилось 360 городов. В 1897 году их было уже 475 (во всей импе-

рии – 933). По переписи населения, предпринятой в том же 1897 году, в городах проживало всего 13,4 процента населения страны – 16,8 миллиона человек. В крупнейшем из провинциальных городов, Саратове, проживало всего 130 тысяч человек – вдесятеро меньше, чем в Санкт-Петербурге. Больше 100 тысяч человек жило также в Казани, Ростове-на-Дону, Туле и Астрахани, а к 1917 году в эту группу вошли Иваново-Вознесенск, Самара, Нижний Новгород и Ярославль. Материалы той же переписи содержат данные о социальном составе городского населения – правда, по всей империи. В промышленности работало 30,9 процента горожан (вместе с членами семей), в торговле – 17 процентов, в услужении – 14,5, в сельском хозяйстве – 9,4 процента. Военные и чиновники составляли 9 процентов, рантье и пенсионеры – 7,1, служащие транспорта и связи – 5,9, представители духовенства и свободных профессий – 4,3 процента.

Эти статистические данные сухи, но без них не обойтись – они составляют, так сказать, скелет нашего повествования, не давая ему растечься по древу занимательной российской жизни. Напоследок еще немного статистики: в 1897 году из 475 городов Европейской России 48 были губернскими (не считая столиц), 332 – уездными, 50 – заштатными, 37 – представляли собой посады, а еще семь – пригороды тех же столиц. 90 процентов городов имели население меньше 10 тысяч человек, а многие были меньше крупных сел. Такие города после 1917 года были переведены в разряд сельских поселений, зато появилось много новых – сегодня в Российской Федерации 1100 городов и живет в них уже 74 процента населения. Довольны ли эти люди своей жизнью, стали ли они счастливее, здоровее, богаче, чем их предки в XIX столетии, – вопрос сложный, отвечать на который не нам.

* * *

Приступая к изучению русской провинции, следует уяснить, кто и как писал о ней. Попытки постичь и осмыслить ее жизнь начали предприниматься еще в первой половине XIX столетия. Конечно, многочисленные

путешественники, да и сами провинциалы и раньше присматривались к городам и писали о них. Но касалось это по большей части скучных статистических подробностей. Сколько в городе торговых лавок? Есть ли кремль? В каком он состоянии? Тучны ли монастырские доходы? Много ли незамужних девок и строги ли их нравы? Такой подход неудивителен – ведь путешествовали в основном купцы и офицеры (разумеется, солдаты тоже путешествовали, но по причине почти тотальной безграмотности от описаний воздерживались). Вот и получались у них то военные донесения, то маркетинговые исследования потенциального рынка, а чаще сочетание того и другого.

А в XIX веке в России возникли писатели. То есть литераторы, старающиеся не ради красного словца и прославления власть имущих («Императрикс Екатерина, о! поехала в Царское Село» – пусть и пародия на Тредиаковского, но больно уж хорошая и точная), а ради развлечения читателей и чтобы через это заработать. Во всем своем многообразии в стране начался литературный процесс.

Писатель – субъект любопытный, а значит, и склонный к перемене мест. А что ни место, то картина, которую, разумеется, следует обрисовать словами, проанализировать и вывести в конце концов мораль – а как же без морали?

Вот, например, Иван Аксаков – о прекрасном городе на Волге, Ярославле: «Город белокаменный, веселый, красивый, с садами, с старинными прекрасными церквями, башнями и воротами; город с физиономией. Калуга не имеет никакой физиономии или физиономию чисто казенную, Симбирск тоже почти, но Ярославль носит на каждом шагу следы древности, прежнего значения, прежней исторической жизни. Церквей – бездна, и почти ни одной – новой архитектуры; почти все пятиглавые, с оградами, с зеленым двором или садом вокруг. Прибавьте к этому монастыри внутри города, с каменными стенами и башнями, и вы поймете, как это скрашивает город, а тут же Которосль и Волга с набережными, с мостами и с перевозами. Что же касается до простого народа, то мужика вы почти и не встретите, т. е. мужика-землепашца, а встречается вам на каждом

шагу мужик промышленный, фабрикант, торговец, человек бывалый и обтертый, одевающийся в купеческий долгополый кафтан, с фуражкой, жилетом и галстуком... Роскошь в городе страшная. Мебель, квартиры, одежда – все это старается перещеголять и самый Петербург».

Тут вам и анамнез, и диагноз – разве что курс лечения не назначен.

Литератор Филипп Диомидович Нефедов препарировал свой родной город Иваново-Вознесенск: «Вознесенский посад, составляющий, так сказать, предместье русского Манчестера... поразительно походит на обыкновенное село: те же чумазные избы и избенки, крытые соломой и тесом, те же кабаки и даже тот же неизменный трактир с чудовищно-пузатым самоваром на вывеске. Потом идут какие-то пустыри и, наконец, только центр, где находятся торговые ряды, весьма, правда, пустынные, и проходит главная улица, напоминает что-то смахивающее на уездный город. Самое Иваново еще больше поражает непривычный глаз жителя столицы: изрытое оврагами, оно состоит из множества кривых и неправильно расположенных улиц, перемежаемых узенькими переулками; постройки большей частью деревянные, целые улицы сплошь состоят из черных изб («черные» или «курные» избы – с печью без выводной трубы для дыма. – *А. М.*). И только местами, рядом с какой-нибудь разваленной хижинкой крестьянина, встречается громадная фабрика с пыхтящими паровиками или большой каменный дом богача-фабриканта с штофными драпри на окнах. Прибавьте ко всему этому базарную площадь с торговыми лавками, трактиры и бесчисленное множество кабаков, попадающихся чуть ли не на каждом шагу, и перед нами налицо весь русский Манчестер с его внешней стороны».

Вот что Александр Островский писал о Торжке: «Торжок бесспорно один из красивейших городов Тверской губернии. Расположенный по крутым берегам Тверцы, он представляет много живописных видов. Замечательнее других – вид с левого берега, с бульвара, на противоположную сторону, на старый город, который возвышается кругом городской площади в виде амфитеатра. Хорош также вид с правой стороны, с старинно-

го земляного вала; впрочем, лезть туда найдется немного охотников. Собственно старый город был на правом берегу – там и соборы, и гостиный двор, и площадь, а левый берег обстроился и украсился только благодаря петербургскому шоссе».

А вот Тарас Шевченко – об Астрахани: «Астрахань – это остров, омываемый одним из протоков Волги, перерезанной рядом вонючих болот, называемых рекою Кутумом, и каналом, ни в чем не уступающим реке Кутум. Полуостров этот окружен густым лесом мачт и уставлен живописными бедными лачугами и серыми, весьма неживописными деревянными домиками с мезонинами, не похожими на лачуги потому только, что из них выглядывают флотские и вообще официальные физиономии. Всю эту огромную безобразную серую кучу мусора венчают зубчатые белые стены Кремля и стройный великолепный пятиглавый собор московской архитектуры 17-го столетия...»

И во всем этом – стремление подобрать к городу бирочку и поставить его с этой бирочкой на полочку своих литературных достижений. Однако со временем любовь к подобным бирочкам пошла на спад, а чувства начали преобладать над разумом. Писатели (да и не только писатели) научились любоваться русской провинцией, восхищаться, очаровываться ею, петь ее. Главное – впечатление, а самое сильное впечатление – первое.

«Я вышел на палубу и остановился в изумлении: пароход, чуть пошевеливая колесами, пробирался посреди бесчисленного множества плотов и барок, составлявших почти одну сплошную массу во всю ширину реки. Мы были в Рыбинске, но я не видел еще города, а только огоньки в окнах его домов, сверкающие в темноте, на высоком правом берегу Волги. Я проснулся очень рано и тотчас же пошел в город. Богатые каменные дома, тянущиеся стройным рядом по высокому берегу, прекрасная, устланная камнем набережная с хорошенькими перилами, отличный тротуар вдоль набережной – все показывало, что жители Рыбинска люди не бедные. Город еще спал, только в открытых окнах трактиров половые постукивали чашками. С высокой набережной

открывался прекрасный и очень оригинальный вид на широкую реку, на бесчисленные суда, на противоположный берег, застроенный складочными магазинами, амбарами и сараями. Рыбинская пристань тянется на несколько верст, а суда располагаются у берега правильными отделениями, смотря по тому, с каким они грузом и куда идут».

Это педагог Константин Ушинский.

«К 2 часам увидели мы с последнего перевала Екатеринбург. Широко раскинутый, как и все сибирские города, он производил своими зелеными крышами и шестью стройными церквями весьма приятное впечатление, которое остается и по въезде в него. Особенно хороша та часть города, где разливается, наподобие большого озера, р. Исеть, протекающая весь город. Здесь виден островок с различными увеселительными местами, который летом должен иметь прелестный вид, как и вообще вся окрестность... Екатеринбург один из лучших сибирских городов, виденных нами; ряды красивых домов, базар и прекрасные церкви имеют почти величественный вид. К сожалению, улицы его находятся в ужасном состоянии... Это были не просто испорченные мостовые, но все улицы и площади были покрыты сплошной массой грязи. Эта масса походила на асфальт, который, казалось, должен отвердеть с минуты на минуту, но не твердел, и извозчики развозили своих пассажиров, забрасывая их грязью, в которую колеса уходили по ступицу. Несмотря на то, что под руками имеются отличные ломки гранита, горожане привезли лишь несколько тротуарных плит и камней для исправления улицы, но не принимались за дело, как бы не надеясь достигнуть желанной цели. А между тем придется же приняться за это и даже с энергией, потому что необходима не только поправка, но нужно сделать все заново. Или почва, на которой построен город, содержит в себе много золота, и хотят сделать эти сокровища более недоступными?»

Это знаменитый Альфред Брем – пусть немец, но объехавший большую часть Сибири и вполне вписавшийся в русскую литературно-градоведческую традицию. Радостные, печальные – главное: эмоции.

Писательница Валентина Дмитриева рассказывала о своем визите в Сочи, тогда еще не ставший городом: «В 1903 году я в первый раз приехала в Сочи. Был великолепный июньский вечер, когда пароход “Черномор” остановился на рейде. Солнце пурпурное опускалось в море лазурное, весь берег утопал в золотом сиянии, вечерний бриз навевал оттуда запахи роз и магнолии... Вдоль всего города тянулись три главные улицы: Московская, Приморская и Подгорная, застроенные небольшими, по большей части одноэтажными домами, сверху донизу увитыми розами и глициниями. Их розовые, лиловые, белые, красные каскады струились вдоль стен, скрывая совершенно фасады домов, и город казался сплошным сараем».

В то время Сочи еще только отстраивался, ездили туда мало и с опаской, и было непонятно, по большому счету, чем он станет – курортом или простым уездным городком. По этой причине наблюдения Валентины Иовны представляли для современников большую ценность.

Публицист Николай Лейкин рассказывал о своем знакомстве с Вологдой: «Пролетка петербургского типа, но без верха прыгала по длинной широкой улице с мостовой из крупного булыжника. Улица, как бульвар, была обсажена березами с белыми стволами. Длинной чередой тянулись деревянные дома, некоторые вновь построенные и украшенные резьбой, а два-три из них даже с зеркальными стеклами. Чувствовался недостаток владельцев, домовитость, видно было, что все это строилось для себя, а не для сдачи внаем. Дома чередовались с садиками, но опять-таки засаженными исключительно березами. Редко где выглядывали из-за массивного тесового забора тополь или рябина. Виднелась вывеска агента страхового общества, вывеска конторщика транспортных кладей... Вологда... имеет много садов, бульваров и утопает в зелени. Насаждения эти состоят только из берез, и поэтому Вологду можно назвать березовым городом. Здесь не вымерзают, как я узнал, и другие породы деревьев, но у вологжан уж такая страсть к березам. Повсюду виднеются белые стволы. Бульвар березовый, сады березовые, около церквей в оградах

березы. В городе по улицам, по площадям, по пустырям ведутся новые насаждения, и они состоят из березок. Загородное гулянье, состоящее из клуба местного пожарного общества, находится в березовой роще».

Ефим Бабецкий, тоже публицист, описал Ростов-на-Дону: «Когда свежий человек попадает в Ростов-на-Дону, энергическая физиономия вечно занятого, всегда куда-то спешащего ростовского жителя сейчас бросается ему в глаза. Тихой с “размерцем”, плавной и покачивающейся походки... вы тут не заметите. Даже дамы и те двигаются по ростовским панелям быстро и порывисто, точно им тоже некогда. Указанная особенность – черта, прирожденная всякому портовому городу с преобладающим торговым населением... В Ростове, очевидно, все люди деловые. В этом, конечно, очень много хорошего, в особенности принимая во внимание китайскую, кажется, поговорку о том, что труд – лучшая охрана добродетели, – но все же эта попадающаяся на каждом шагу фигура с классическим кошельком – начинает вас тяготить».

В том же ключе – первые впечатления Бориса Зайцева о Ярославле: «Ярославль начинается с извозчика, который вас везет. Говор на “о”, с сокращением гласных (“понима-ть”, “зна-ть”) сразу дает круглое и крепкое впечатление русского. Очень здорового, симпатичного и способного народа, живущего тут. Это потом оправдывается повсюду: недаром ярославцы издавна сльвут людьми прочными, жизненными и сметливыми».

Удивительно все. Пролетка петербургского типа – ну надо же! Извозчик с говором на «о» – вот это да! Деловые люди, интересно-интересно. Улица, обсаженная березами с белыми стволами, – повод для очередного восторга. Были бы вместо них липы с черными стволами – восхищали бы не меньше.

Особая история – когда на город смотрит человек, который провел в нем часть своей насыщенной событиями жизни. Вырос в провинции, уехал в столицы за счастьем – и счастье наше. Вернулся на родину совершенно другим человеком, столичной штучкой. И что же увидел? Да то же, что и уроженец столицы. Вот, например, заметки Михаила Нестерова: «Вот уже прошла

неделя, как я в Уфе, которая, несмотря на все усилия цивилизации, все та же немудреная, занесенная снегом, полуазиатская... По ней нетрудно представить себе сибирские города и городки. Начиная с обывателей, закутаных с ног до головы, едущих гуськом в кошевках, и кончая сильными сорокаградусными морозами, яркими звездами, которые в морозные ночи будто играют на небе; им словно тоже холодно, и они прячутся...»

Начало описательное, статистическое то и дело пробивалось, никуда не пряталось. Но, как правило, сопровождалось передачей настроения, даже если автор не имел никакого отношения к миру искусств. И вот мы читаем в серьезном отчете Николая Андреевича Ермакова «Астрахань и Астраханская губерния. Описание края и общественной и частной жизни во время одиннадцатимесячного пребывания в нем»: «Вообще город выстроен весь по плану и... его смело бы можно было причислить к одному из красивейших наших городов. Внутри его есть много мест, откуда расстилаются перед зрителем картины, хотя не обширные, но красивые, в которых над пестрыми массами крытых черепицею домов резко и гордо возвышаются 34 храма, большею частью огромные, оригинальные, хорошего стиля, а на дальнем плане белый зубчатый кремль с колоссальною грандиозною громадою своего пятиглавого собора венчает пейзаж, по местам освеженный... зеленью и озаренный яркими лучами здешнего знойного солнца».

Сосчитать скрупулезно количество храмов и приплести под конец озарение солнцем – это ли не курьез? Нет, не курьез – очарование русской провинции свое берет, кого угодно сделает поэтом.

Ближе к концу столетия массовым делается увлечение историей и краеведческими штудиями. В первую очередь это касается столиц, усадеб, археологических захоронений. Но и провинция не остается за рамками. Краеведы познают родимый край. Журнал «Русский турист», орган общества велосипедистов-туристов, в частности, пишет про Ростов-на-Дону: «Это центр торговли юга, сердце промышленности... Город растет с американской скоростью... Главная улица, Садовая – это Невский Ростова. Действительно, улица эта вполне

может равняться с нашим петербургским Невским, хотя ширина ее и меньше Невского. Тротуары асфальтовые; кроме того, со стороны, прилегающей к мостовой – аллеи, чего нет в Петербурге. Освещение электрическое, очень хорошее; расстояние между фонарями значительно меньше, чем в Петербурге. Дома каменные, весьма красивой, легкой архитектуры. Особенное внимание заслуживает новый городской дом – дивно красив и массивен. Магазины чисто европейской наружности. Масса фабрик и заводов. Здесь знаменитые табачные фабрики Асмолова и Кушнарева, табак которых курит вся Россия. Вероятно, скоро наступит время, что купцы Кавказа перестанут ездить в Москву, а все дела свои будут иметь в Ростове».

Живой, в чем-то задорный стиль туристов-велосипедистов разделяют профессиональные историки. Один из них, Александр Ильин, писал все про тот же Ростов: «Ростов-на-Дону, представляя из себя в настоящее время крупный торгово-промышленный центр юго-востока России, обязан своим процветанием исключительно благоприятным географическим условиям, которые и создали его судьбу... Ростов рос и развивался сам собою... Было время, когда в землях Приазовья гремел Таганрог, но время это безвозвратно ушло в область преданий. Таганрог теперь живет воспоминаниями о прошлом величии, тогда как Ростов живет настоящим и, прогрессируя из года в год, свое будущее представляет себе в самом привлекательном виде».

А вот историк С. Д. Шереметев пишет об уездном Зарайске: «Солнце уже было высоко и сильно пригревало, когда мы вышли из Зарайского собора и спустились к Осетру. Здесь, за мостом, начинается Веневский тракт... Вид с противоположного берега Осетра на город очень хорош, и чем дальше удаляешься по направлению к Веневу, тем он становится лучше. За речкою Изнанкою начинается большак, обсаженный еще уцелевшими старыми ветлами. Широко расстилаются поля по обеим сторонам дороги. Кое-где островком покажется роща и мелькнет вдали крест сельского храма... Оглянешься еще раз – и древний Зарайск с своим Кремлем кажется вам сказочным городом; скоро он исчезнет совсем – и

перед вами одна большая дорога с однообразною вереницею нагнувшихся ив».

Краевед Юрий Шамурин тоже восхищается Ростовом, но уже Великим: «Ростов, небольшой уездный город, поддерживает “европейскую репутацию” Ярославской губернии... В городе тихо, мирно, много зелени. Нет беспробудного пьянства столицы, нет озлобленных лиц и ругани. Какая-то монастырская или древнерусская степенность царит в городе. Совершенно неуловимые черты сближают древние памятники ярославских городов с их теперешней жизнью. Остатки старины стоят на площадях и улицах, как прочный фундамент той жизни, что шумит теперь вокруг них. Здесь не чувствуется разрыва между прошлым и настоящим, и это впечатление глубокой почвенности жизни и культуры придает памятникам старины особое серьезное значение, выдвигает их как нужную и важную сторону жизни. В русских городах крайне редко приходится чувствовать эту связь истории и современности, и нигде не чувствуется она так сильно, очевидно и упорно, как в Ростове».

Краевед И. Золотницкий – о Царском Селе: «Царское Село – один из самых благоустроенных уездных городов. Прямые, широкие и довольно чистые улицы, красивые и чистые постройки, отсутствие режущих глаз бедных кварталов и слободок с полуразвалившимися домиками – все это производит приятное впечатление на людей, привыкших видеть в уездном городе бедное, скучное и грязное захолустье». Тут господин Золотницкий слукавил: Царское Село в первую очередь императорская резиденция, а вовсе не уездный город. Но главное – стиль.

Классика жанра – братья А. и Г. Лукомские, путеводитель по городу Костроме: «На фоне черного неба, когда покровом жутким ночь окружит все стены зданий, ярко освещенных огнем фонаря, они покажутся еще живее, еще фееричнее. Выглядывают тогда изподлобья темные окна домов, а те, которые озарены изнутри светом, позволят нам увидеть иную жизнь, ту, что за стенами, за геранью и за занавеской кружевной, у лампы, на мебели старинной, и у рододендрона широколистого. Так сладостно бывает вечером, бродя по улицам пустынным, уйти в миры чужие, облететь мечтою все эти

маленькие домики, увидеть весь уют патриархального уклада, мир предрассудков и ограниченного счастья всех этих маленьких людей, ушедших целиком в жизнь своего родного провинциального городка...

Над старинными стенами свешиваются низко и ласково, покрытые инеем, отяжелевшие ветви деревьев; придавая фантастический вид всему окружающему, возвышаются покрытые шапками снега стройные ели; выглядывают из-за крыш лохматые кедровые ели, рисующие на темном небе, как иней на стекле узор из страусовых перьев, березы. Насупились в конусообразные верхушки башней монастыря, покрытые снегом и охраняющие златоверхие храмы, что за высокими стенами. Занесены высокими сугробами снега широкие лестницы паперти, колокольни, церкви, калиточки и ворота заснувших особняков купеческих и барских, со светящимися оконцами, покрытыми радужными узорами. Снег лежит и на оградах, и на фонарях, и на гнездах ворон, черными стаями с криком громоздящихся на обледенелых сучьях старых деревьев».

Что это? Научный труд или поэтические экзерсисы? Произведение высоколобых ученых или беллетристов-романтиков? Воздействие русской провинции непредсказуемо.

А провинциальные города между тем сами становятся героями литературы – наряду с томными барышнями и бравыми офицерами.

«Тихий город Мямлин еще спит, приютился в полукольце леса, – лес – как туча за ним; он обнял город, продвинулся к смиренной Оке и отразился в ней, отемнив и бесконечно углубляя светлую воду... Сад раскинулся на горе, через вершины яблонь, слив и груш, в росе, тяжелой как ртуть, мне виден весь город, с его пестрыми церквями, желтой недавно окрашенной тюрьмой и желтым казначейством».

Это рассказ Максима Горького «Губин». А город Мямлин – он в действительности Муром. Стоит он в окружении знаменитых муромских лесов, и ничего особо страшного нет в этом окружении.

А вот почти забытый писатель Иван Василенко о Белгороде: «Я хожу по улицам Градобельска и считаю

церкви. За три дня насчитал тридцать шесть. А жителей в городе не больше сорока тысяч. Интересно, чем они занимаются? Неужели только тем, что ходят по церквям? Чаше всех тут бросаются в глаза попы и монахи. Ими хоть пруд пруди. И очень много учащихся. В таком маленьком городке есть и мужская гимназия, и две женские, и духовная семинария, и реальное училище, и учительская семинария, и женское епархиальное училище. А возглавляются они старейшим в России учительским институтом. Чтобы стать его воспитанником, я и приехал в этот уездный городок с уютными полутораэтажными домами и огромными раскидистыми тополями по обеим сторонам немощеных улиц...

До вечера я бродил по городу. Прожив здесь четыре месяца, я так и не удосужился осмотреть его весь. Добрел я и до той окраинной улицы, где стоял длинный закопченный сарай. По тяжелому запаху было нетрудно догадаться, что это и был салотопенный завод».

Градобельск – Белгород. Мямлин – Муром. Герои – прототипы. Все как у людей.

Даже если города не укрываются под псевдонимами, они нередко предстают живыми персонажами. Поэт Анатолий Мариенгоф писал о Нижнем Новгороде: «Нижний! Длинные заборы мышинового цвета, керосиновые фонари, караваны ассенизационных бочек и многоготоварная, жадная до денег, разгульная Всероссийская ярмарка. Монастыри, дворцы именитого купечества, тюрьма посередине города, а через реку многотысячные Сормовские заводы, уже тогда бывшие красными. Трезвонящие церкви, часовенки с чудотворными иконами в рубиновых ожерельях и дрожащие огоньки нищих копеечных свечек, озаряющих суровые лики чудотворцев, писанных по дереву-кипарису. А через дом – пьяные монопольки под зелеными вывесками.

Чего больше? Ох, монополек!

Пусть уж таким и останется в памяти мой родной город, мой Нижний. Пусть!»

Пожалуй, ярче всех прочих описал провинциальный город Федор Сологуб: «Плывем на пароходе по Волге, видим – Кострома на берегу. Что за Кострома? Посмотрим. Причалили. Слезли. Стучимся.

- Стук, стук!
- Кто тут?
- Кострома дома?
- Дома.
- Что делает?
- Спит.

Дело было утром. Ну, спит, не спит, сели на извозчика, поехали. Спит Кострома. А у Костромушки на широком брюхе, на самой середке, на каменном пупе, стоит зеленый Сусанин, сам весь медный, сам с усами, на царя Богу молится, очень усердно. Мы туда, сюда, спит Кострома, сладко дремлет на солнышке.

Однако пошарили, нашли ватрушек. Хорошие ватрушки. Ничего, никто и слова не сказал. Видим, – нечего бояться костромского губернатора, – он не такой, не тронет. Влезли опять на пароход, поехали. Проснулась Кострома, всполошилась.

- Кто тут был?

Кто тут был, того и след простыл, Костромушка».

Это – воплощение и квинтэссенция мифа о провинциальном русском городе. Сонном, ленивом, степенном, благодушном, беззлобном, терпимом, хлебосольном, монархолобивом. А впрочем, только ли о мифе речь? Может быть, она действительно такая – русская провинция эпохи Сологуба?

Что ж, не теряя больше времени, приступим к детальному рассмотрению этого феномена.

МОЙ ДОМ – МОЯ КРЕПОСТЬ

Логично было бы разбить эту главу на четкие подглавки – дом дворянина, дом мещанина, дом крестьянина, дом офицера, дом священника. Но нет у нас такой возможности – ведь в избранный нами период истории в русской провинции перемешались и сословия, и достатки. Бывший крепостной, поднявшийся на торговле пенькой или дегтем, отстраивает четырехэтажные хоромы, а потомственный дворянин снимает у него угол под лестницей.

Тем не менее какие-то закономерности все же присутствуют. В частности, самый богатый дом в городе, за редким исключением, – дом губернатора. Неудивительно, ведь губернатор – это главный и полномочный представитель самого государства. А государство уж никак не позволит себе в этом плане ударить в грязь лицом. В частности, дом, выстроенный для ростовского градоначальника, вообще вошел в поэзию:

Он благороден был, как замок –
тот старый и могучий дом.
Жильцов необычайных самых
подозревал я в доме том.
Недаром высилась достойно
от башенки невдалеке
фигура гипсового воина
с копьем в откинутой руке.

А вот и другая постройка: «От восточных кремлевских ворот на восток же простирается длинная Московская улица, застроенная сплошь каменными домами под

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Будина О. Р., Шмелёва М. Н. Город и народные традиции русских. М., 1989.

Инюшкин Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004.

Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. СПб., 2007.

Лотман Ю. М. Беседа о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX в. СПб., 1999.

Мир русской провинции и провинциальная культура. СПб., 1997.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1–2. СПб., 1999.

Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998.

Павловская А. В. Образование в России: история и традиции. М., 2003.

Перхавко В. Б. История русского купечества. М., 2008.

Петровская И. Театр и зритель провинциальной России: Вторая половина XIX века. Л., 1981.

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913): статистические очерки. М., 1956.

Русская провинциальная культура XVIII–XX веков. М., 1993.

Русская провинция. Культура XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни. Пенза, 1995.

Русская провинция: Миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
<i>Глава первая.</i> Мой дом – моя крепость	21
<i>Глава вторая.</i> Городское хозяйство	51
<i>Глава третья.</i> Хождение во власть.....	93
<i>Глава четвертая.</i> «От чистого служивого сердца».....	126
<i>Глава пятая.</i> В заботе о сырых и убогих.....	159
<i>Глава шестая.</i> «Арестантские роты особого рода».....	183
<i>Глава седьмая.</i> Именем Божиим	247
<i>Глава восьмая.</i> Под вой фабричного гудка	289
<i>Глава девятая.</i> Великолепное торжище.....	325
<i>Глава десятая.</i> «И уныло по ровному полю...».....	381
<i>Глава одиннадцатая.</i> В вечерний час.....	429
Краткая библиография	510